

И, наконец, в-четвертых, последнее упоминание о Сумбеке, о ее жизни в Москве после 1551 года, об отношении к ней Шигалея очень сходно с версиями об ее жизни, усиленно распространявшимися ногайской родней Сумбеки.

В свете сказанного можно полагать, что автор «Казанской истории» отражал ту часть жизни Сумбеки, которая показывала ее с положительной стороны. О закулисных делах казанской царицы он или умалчивал, или тенденциозно искажал рассказ о них. Он нарисовал идеальный образ «вольной казанской царицы», отразив представление о Сумбеке тех враждебно к Москве настроенных слоев казанского общества, на которые она опиралась во время своего регентства и которые находили у нее поддержку. Устные рассказы и предания о Сумбеке уже тогда усиленно распространялись в Казани. Не прекратили они бытовать и после 1551 года. Об этом свидетельствуют письма ее отца и братьев.

Но мы знаем, что автор «Казанской истории», русский пленник в Казани, проживший там двадцать лет, был несомненным идейным сторонником московского самодержавия. Как же объяснить, что он, преследуя цель возвеличить могущество Русского государства и его главы Ивана IV, при создании образа последней казанской царицы Сумбеки воспользовался легендами о ней, исходившими из политически враждебных кругов?

Ответ следует искать в конкретной обстановке времени создания произведения. В те годы, когда писалась «Казанская история» (1565 год), отошли в прошлое сложные перипетии внутривосточной борьбы в покоренном Казанском ханстве. Изменилась обстановка в Большой Ногайской Орде: в 1554 году отец Сумбеки — Юсуф — был убит в междоусобной войне своим братом Исмаилом. Последний с этого года считался старшим князем у ногаев, которому подчинились и его враги — дети Юсуфа. После занятия русскими войсками Астрахани (1557 год) начались отношения полной зависимости Ногайской Орды от Русского государства.¹ Князь Исмаил принял на себя обязательства помогать московскому правительству в борьбе с его противниками и соблюдать прочный мир.

Таким образом, в середине 60-х годов XVI века была устранена та почва, на которой могли принести свои плоды честолюбивые мечты бывшей казанской царицы. О ней как о политической силе можно было больше не думать. Поэтому в произведении, посвященном взятию Казани, литературный портрет Сумбеки не отражает политической характеристики этой честолюбивой воительницы за власть и имеет мало общего с ее исторической личностью. Художественный образ Сумбеки создавался автором «Казанской истории» не на основе документальных данных (хотя они были в его распоряжении).²

Автор опирался на художественный опыт, накопленный древнерусской литературой в ее лучших образцах, и на татарский феодальный эпос. Исследователями уже отмечалась прямая зависимость описания прощания Сумбеки с Сафа-Гиреем от плача княгини Евдокии по Дмитрию Донскому из «Слова о житии Дмитрия Ивановича царя рус-

¹ Такое положение продолжалось до конца 60-х годов XVI века. После смерти Исмаила его сын и преемник Тинехмат в начале 70-х годов разорвал дружественные связи с Москвой и вошел в контакт с Крымским ханством (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 28).

² Г. Н. Моисеева. Автор «Казанской истории». Труды ОДРА, IX, стр. 284—285.